

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 1. Издание 1897 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 1. Издание 1897 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 134 с.

ISBN 978-5-4241-6609-9

ISBN 978-5-4241-6609-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ I.

Киселевскіе цыганы.

Главное мѣсто жительства цыганъ Смоленскаго уѣзда—сельцо Киселевка Прудковской волости.

Мѣстоположеніе Киселевки довольно живописно: деревушка эта раскинулась на берегу Хмары, извиистой, прозрачной, усѣянной кустами, крутосрежной рѣчки. Къ Киселевкѣ, съ югозападной, южной и восточной стороны, примыкають лѣса, которые тянутся къ Мстиславскому уѣзду Могилевской губерніи и Рославльскому уѣзду Смоленской губерніи.

Въ двухъ верстахъ отъ Киселевки, вверхъ по теченію рѣки Хмары, деревня Фицовка, а въ двухъ верстахъ или немного менѣе внизъ по теченію той же Хмары, деревня Хмарское; въ деревняхъ этихъ живетъ нѣсколько цыганскихъ семействъ.

Главное занятіе цыганъ — воровство; особенно они крадутъ лошадей и барановъ.

Если переѣзжая Хмару, спросишь, отчего это такъ много бараньихъ копытниковъ валяется на днѣ рѣки, отвѣчаютъ мѣстные жители: это работа цыганская; лѣтомъ съ Петрова дня барановъ крадутъ, а копытники въ Хмару бросаютъ.

Рано утромъ, до разсвѣта, цыганскіе парни, молодежь, ѣдутъ кормить лошадей своихъ. Располагаются они большею частію на опушкѣ лѣса, лежатъ (на брюхѣ) подлѣ огня, пекутъ картофель, жарятъ сало и баранину, о чемъ то балакають на своемъ нарѣчій.

Не всегда они стоятъ лагеремъ открыто: когда заставляеть необходимость, прячутся въ густыхъ березникахъ и ельникахъ, прикручиваютъ лошадей къ деревьямъ, сами же укрываются гдѣ-нибудь въ сторонѣ; а иногда цыганы съ лошадьми стоятъ, недавно украденными, только на большой сторожѣ; даже поводъ въ рукахъ держа, кормятъ ихъ, чтобъ, въ случаѣ нападенія, быстро сѣсть и уѣхать.

Иногда видишь, какъ мчится цыганъ, все оглядываясь подозрительно назадъ, словно чуя погоню, и лошадей за собою гонить,—и, въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени бредутъ печальные мужички и спрашиваютъ прохожихъ о своихъ конникахъ.

Во время обысковъ выручаетъ цыганъ необыкновенная находчивость и способность искусно притворяться.

Дѣло было въ Ельнинскомъ уѣздѣ.

Идетъ урядникъ по пятамъ за ворами-цыганами, и видятъ цыганы, что приходитъ имъ бѣда неминуемая. Тогда они обрядили старую цыганку какъ бы на смерть, положили ее на столѣ, а подъ нею добро и пригрозили старухѣ:

— Смотри жъ ты, старая: дохни только—тутъ тебѣ и юзь будить: до смерти закатаемъ.

Вытянулась старая цыганка, даже поблѣднѣла—лежитъ, словно мертвая, бѣлая какъ сватерть.

Идутъ съ обыскомъ въ хату, а цыганы плачутъ—заливаются и причитываютъ:

— Зачѣмъ сиратами заставила ты насъ горя гарювать, наша радѣ-тилка ¹⁾!..

Вошедшій урядникъ видитъ свѣчи горять, и на столѣ покойница.

— Ваша благодѣя, не прогнѣвайтесь вы, не взыщитя,—намъ таперъ ни до чога: у насъ большая горя. Ищитя, идѣ знатя!

Урядникъ искалъ повсюду, а покойницу не рѣшился беспокоить: «мертвого костей не тревожь»—и, разумѣется, ничего онъ не нашель.

Жидъ идетъ къ цыгану отыскивать пропавшаго гуся.

— Господинъ урядникъ, мой гусь въ печкѣ жарится — оттуда даже жаренымъ гусемъ пахнетъ.

— А, такъ тебѣ поросятины захотѣлось!—грозно прикривнулъ цыганъ на жиду; съ этими словами онъ заслонку отхватилъ у печи, быстро выхватилъ гуся и торнулъ его жиду прямо подъ носъ:

— На, ѣшь поросенка—подавись имъ!

— А ну, ну, ѣшь ты самъ—а ну, тебя къ чорту!

Жидъ совсѣмъ ступевался.

Замысловаты и приемы цыганской кражи.

Иногда цыганы надѣваютъ сапоги или лапти на ноги украденной скотины, чтобы отмѣнить слѣдъ.

— «Привяли цыганы карову къ Ярашу. Хорошая карова, дворницкая, абутая у лапти. Поставили яе у пуню, у салому; тамъ карова стаяла дни два, пока поиски акончились. Вичаромъ пріѣхали два цыганы, выпустили карову на дворъ. Карова икъ стала гулять, брыкать, галавою крутить. Ярашовы усѣ хахатали, утишались, што карова дужа хараша.

¹⁾ Радѣтилка—мать; слово часто употребляется въ цыганскомъ нарѣчїи.

— 5 —

— Ты теперь яе ни паймайшь!—гаварили мужики и бабы на цыгана. А цыганъ у валенкахъ якъ прыгнись къ карови и прима схваталь яе за роги, да якъ крутнеть яе вьвыла сябе: ана и бахъ са усихъ нохъ—и завалилась. Другой жа цыганъ подскачиль съ касою, шарпъ на горлу и заръзалъ. Садрали шкуру; трибухи, легкiя, ноги атдали Ярашу и мяса нямнога яму дали, а карову пупаламъ разрубили. Каждый палажилъ сваю часть на сани и паѣхали дамой».

Амбарушки цыганы поднимають вагами, потомъ выбираютъ какое есть добро, и опускають на мѣсто.

Цыганы хвалятся своею приспособленностью къ кражѣ:

— «Гамй, есть у насъ и данкраты».

Если конюшни съ вѣвками замками, цыганы разбирають крыши и веревками вытягивають наружу лошадей.

— Отчего, Ивка, сани у тебя подбиты холстомъ? Сдѣлалъ бы ты себѣ красивыя яеновыя сани!..

(Ивка—старый зажиточный виселевскiй цыганъ).

— Гаму¹⁾, видишь ты: въ этихъ санахъ тихо, какъ въ лодочкѣ проплывѣшь: яны и ни стучать.

На первую ночь цыганы собаку отравятъ, а на другую вдвоемъ или втроемъ подбираются къ баранамъ. Для кражи выбираютъ ночи темныя, осеннiя. Крадутъ и послѣ Петрова дня, потому что послѣ вывозки навоза легче подкопаться, а подзапываются острыми лопаточками, въ родѣ сѣчегъ, чаще всего подъ стѣну, рѣдко подъ заборъ.

Два цыгана или одинъ стоятъ на сторожѣ подлѣ лошади; вооружаются колями, дубинами, рѣдко ружьями. Амбары обирають со свѣчкой; овецъ ловятъ въ темнотѣ. Говорятъ, что цыганъ и въ потьмахъ не возьметъ худую овцу:

— «Жирная овца, видишь ты, пѣшетъ дѣжа»²⁾.

Крадутъ цыганы овецъ и съ поля у неопытныхъ пастушковъ: дѣти, видя барановъ, испуганно убѣгающихъ изъ лѣса или изъ кустовъ, никакъ не предполагають присутствiя цыгана, ловащаго ихъ: имъ думается, что волкъ «поудилъ» овецъ.

Застигнутый на мѣстѣ преступленiя малолѣтними сосѣдами, цыганъ овцу бросаетъ, а самъ удаляется во свояси безъ особеннаго впрочемъ конфуза.

Кража овецъ для цыгана—это уже дѣло второстепенное, а, главнымъ

¹⁾ Гамй—гаму—бѣлорусское «панй»—данкратъ—орудiе для поднятiя тяжести.

²⁾ Пѣшетъ дѣжа—тяжело дышать.

образомъ, онъ крадетъ лошадей, потомъ мѣняетъ ихъ на ярмаркахъ или по деревнямъ, обыкновенно взявая съ мужиковъ придачу всякаго хлѣба по четверткѣ:

— «Гамй, съ естыга я бьюсь»!

Чуть не съ колыбели и во снѣ и наяву цыгану грезятся кони. Спросите у цыгана, чѣмъ онъ занимается.

— Лошадьми барышничая!— отвѣтитъ онъ вамъ.

Бабка или мать крестника пробуетъ ушко у маленькаго, едва народившагося цыганенка:

— «Давай-ка, попробую ушко, вырастетъ ли мой крестникъ.

Ушко вѣрпеньекое у него—вырастетъ; и мало того, по всему видно, что будетъ барышникъ, коневникъ, — будетъ, какъ батька, заниматься лошадьми (тэ залэлэ грэнцэ).

Цыганята любятъ изображать лошадокъ мѣлкомъ на стѣнѣ, или карандашемъ на бумагѣ, или на пескѣ пальцами.

Священникъ, отецъ Полубинскій, преподававшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Даньковской школѣ, передавалъ мнѣ, что цыганята учились не хуже другихъ мальчиковъ. Замѣтилъ онъ однажды разсѣянность цыганятъ: не слушая его объясненій, они съ необыкновенною сосредоточенностью чертили что-то на партахъ—лошадокъ!

Цыганъ любитъ ѣздить быстро, сѣчетъ лошадь не жалѣя, стараясь попадать кнутомъ по ногамъ, немного ниже ляшекъ, отчего и самая лѣтвая лошадь прибавляетъ шагъ.

Народныя поговорки: ѣздить какъ цыганъ, ѣзда цыганская, т. е. быстрая, ухарская. По цыганскому выраженію, на сѣдлѣ цыганъ сидитъ ловко, какъ червякъ,—мужикъ, тотъ сидитъ коликомъ.

Рѣдко цыганъ пристращается къ лошади, временно же любитъ поѣздить на быстромъ конѣ, испробовать какого нибудь-борзаго иноходца.

Разъ цыганъ укралъ неукротимую лошадь, но не переставалъ долго на ней ѣздить: «гамй, руки сабѣ павывихнулъ». Испортивъ порядочно добраго коня, цыганъ сбываетъ его, а впрочемъ онъ самъ коноваль, самъ лѣчитъ лошадей капустнымъ разсолонъ, яйцами и купоросомъ,—это ужъ обычный цыганскій рецептъ ¹⁾).

Продавая украденную лошадь, цыганъ указываетъ предѣлы, въ которыхъ можно безопасно ѣздить на проданной лошади.

---

¹⁾ Если лошадь ѣдетъ плохо, цыганъ суётъ ей палкою въ ротъ теплыя кишки, вырванныя изъ живой курицы.

Нечего грѣха таить. Въ доброе старое время и помѣщики любили поговорить съ цыганами объ иноходцахъ, а иногда давали цыгану неблаговидное порученіе привести иноходца пли рысака.

Бывали и такіе случаи. На ярмаркахъ и другихъ бойкихъ мѣстахъ владѣльцы узнавали своихъ лошадей—крестьяне горячо отстаивали свою собственность и заставляли лицъ, купившихъ краденыхъ лошадей «слѣзать съ чужаго коня среди грязи долой».

Хожалыя цыганки.

Цыганки часто шлятся съ мѣшками за колядой, при чемъ старательно высматриваютъ, гдѣ бы имъ что-нибудь стянуть, и на будущее время замѣчаютъ, въ какой дворъ легче забраться цыганамъ для воровства; онѣ, такъ сказать, наводятъ справки о мужицкомъ хозяйствѣ.

Филипповымъ постомъ мужикъ запасаетъ себѣ скоромную пищу для будущаго мясоѣда — по амбарамъ и по клѣткамъ развѣшивается говядина (баранина, свинина). «Скороминка» — предметъ цыганскихъ помысловъ, цыганской зависти: цыганы и выпрашиваютъ ее и стараются украсть, что, при крестьянской безпечности и неосмотрительности, часто удается. Цыганъ хвалится: «филиппоуками мужикъ постуетъ, а мы лупимъ мясо, какъ рѣпу».

Цыганки большія «кѣнькалы»: онѣ душу вынимаютъ своими просьбами, жалуются на худолѣтье, на бѣдность, щедрымъ хозяевамъ сулятъ счастье и добро. Но, Боже сохрани, обидь ихъ: не дай имъ коляды, скороминки, оскорби ихъ дерзкимъ словомъ, онѣ обѣщаются это припомнить, — станутъ ворчать себѣ подъ носъ: «зазнались-де совѣтъ мужики, забылись, — они хуже зазнаются, когда у нихъ не крадешь, балуешь ихъ: надо къ нимъ воровъ заслатъ».

Угрозы эти оказываютъ дѣйствительное вліяніе на мужика. Думаетъ онъ самъ себѣ: «а кто ихъ знаетъ, что на умѣ то у нихъ! Знамо дѣло, и Бога не серди и урага не гнѣви». Почесывая затылокъ, выносить мужикъ коляду хожалымъ цыганкамъ.

Обычная форма цыганской просьбы такая:

— «Матушка хозяйчика, дай скороминки, дай и крупыкъ, дай и масла: галоуку нада помаслить, дай и яечикъ, дай и сальца; хазяичка матушка, дай и смитанки съ поуныга гарлачика—и табѣ Богъ дастъ съ биригами роуна; какъ яечки круглы, съ биригами роуны, какъ ихъ многа, — чтобъ, съ моею легкой руки, у тябе усяго бы стала многа, кругла и съ биригами роуна».

Бурмистиха-вайтиха, ни жалѣй ли мяне, дай цѣлый мяшечикъ, штобъ усяго было много. Дай пасматрю на тваю ручку погадаю—ую судьбу тваю табѣ расскажу; покажи, покажи свайго дитѣнычка—па ушку узнаю ти живъ юнъ будить, ти счастливъ, только ты ни жалѣй дли мяне ничаво»

Хозяйка коляды даетъ лубочку овса, лубочку ржи (гарца два, три), иногда сальца, скороминки.

Зазѣвавшаяся курица, поросенокъ попадаютъ въ мѣхъ хожалой цыганки; курей онѣ ловятъ ловко, иногда на удочку; одной рукой коляду принимаютъ, а другую руку не прочь запустить въ хозяйское добро, стануть яичко или изъ вубла вынуть сальца кусочекъ.

Эти самыя ходяки являються гадалками, смотрятъ на руки, щупаютъ уши дѣтей, судьбу предвѣщаютъ.

Гадають цыганки и такъ: изъ четырехъ скрученныхъ попарно нитоеъ образуютъ крестивъ; плюють на крестообразно сложенные нитки, при этомъ пицать, и спрашиваютъ таинственно у суевѣрной крестьянки:

— Слышишь ли, пицать что то.

— Да что то пицать—отвѣчаетъ со страхомъ крестьянка.

— Какъ эти нитки крутятся, чтобъ у враговъ твоихъ кишки крутились.

И баба остается очень довольна, что изведутся ея враги,—выносить гадальщицѣ коляду.

Цыганки не ограничиваются шатаньемъ по дворамъ и мелкой кражей,—наиболѣ смѣлыя изъ нихъ сопровождаютъ супруговъ въ ихъ воровскихъ походахъ. Жена Фицовскаго Васья неоступно слѣдуетъ за мужемъ, когда онъ ѣдетъ воровать; самое малое, что она дѣлаетъ,—стоитъ на сторожѣ съ лошадыю. Анютка Ивкина зло крада и любила съ цыганами «у воры ѣздить».

— «Ни разу ни прапустить, штобъ ни паѣхать. Сама проситца, вокыла лошадей стаить. Разъ вокыла Ельни забрались цыганы въ кабакъ: яны набрали разныхъ товаруѣ, сѣли на каней и уѣхали, а Анютка усе капаетца у шелкахъ. И ужъ агонь запылалъ у хаты, только агонь примѣтивши, ина движкомъ, движкомъ вывалилася изъ хаты,—и тады товаруѣ ня бросила, а съ ахапкый бягомъ бѣгла да показанныга мѣста вярсты двѣ».

Крестьяне давно привыкли смотрѣть на цыганскія кражи, какъ на дѣло обыкновенное, а у цыганъ выработалось грубое, доходящее до цинизма безстыдство и нахальство.

Ходили цыганки по милостинѣ; идуть и видать, что клѣтъ Кузьмина

¹⁾ «Лубочка»—липовое лукошечко.

отперта—наверху два трибуха висятъ. Пошли въ хату—ихъ подарили; стали онѣ просить скоромины.

Кузьма отказалъ:

— Идѣ вамъ надаѣсьтя ¹⁾ скоромины!

Цыганки обозлились:

— Гаму, нѣту, а нѣту! Какъ у тебѣ скоро нѣту!

Пришли домой и давай говорить:

— Видали два трибухи висятъ; кубиль сала есть.

Пріѣхалъ ночью цыганъ и все побралъ. Черезъ нѣсколько времени хозяины собрались въ кузницѣ: подошли воръ-цыганъ и Кузьма. Давай цыганъ «ляпнуть праму у глаза» Кузьмѣ:

— «Што ты, Кузьма, надѣлалъ? Ты абтравилъ насъ! Я на тебе на судъ подамъ! Да хго жъ такъ трибухѣ ²⁾ солить? Мае дѣти вады паабпились: какъ приляжутъ, приляжутъ къ рѣчкѣ, слова поросаты»...

Дѣлать нечего, чтобъ умиротворить расходившагося цыгана, Кузьма отсулил ему нѣтуха и поросенка.

Съ хожальми цыганками крестьяне не особенно церемонятся, особенно если онѣ одинокія, безродныя и, слѣдовательно, беззащитныя. По этому поводу крестьянская дѣвушка передавала мнѣ слѣдующее:—«Шла кривая цыганка Татьяна съ дачкой да Самахотовки. А у маей тетки была рушная курица. Скажить тетка курицѣ: сѣлухна, сѣлухна ³⁾! курица и садитца. Паглядить мая тетка послѣ цыганкѣ: нѣту курицы. Дабѣгла за цыганками до липы: содить старая цыганка курицу у машокѣ.

Тетка усерчала: выхватила у яе курицу, а самое цыганку за рукавъ тащить: пайдѣмъ са мною, а то въ уряднику. Пайдѣмъ, пайдѣмъ: я табѣ ничога ня здѣлаю. Пупялась ⁴⁾ цыганка, иднакажъ ⁵⁾ пашла.

Марья, Марья!—гукантъ ⁶⁾ тетка сасѣдку: няси-ка, Марья, чипялу: да цыганку па галавѣ чипялѣй. Дачка плачить, бѣгантъ:

— Соўника мае, давольна, давольна—будить: ни забей маю матухну!.. Таперь эта кривая къ намъ у домъ никада ни заходить»...

Застигнутые въ ночной кражѣ, цыганы отчаянно защищаются—задержать ихъ довольно трудно.

¹⁾ Надаѣсьтя—надаешься.

²⁾ «Трибухъ»—желудокъ животнаго; «трибухъ» свиньи чинится мясомъ и солится.

³⁾ Сѣлухна—крестьянское обращеніе къ курицѣ—садъ, садъ.

⁴⁾ Усерчала—раасердилась.

⁵⁾ Иднака—однако.

⁶⁾ Пупялась—оказала сопротивленіе, призадумалась исполнить требованіе.

⁷⁾ Гукантъ—зоветь.

Разъ зимою ихъ окружили пзвозчики, цыганамъ удалось на быстрыхъ лошадяхъ, запряженныхъ въ легкія саночки, пробиться, почти перескочить черезъ обозъ. Нѣкоторые цыганы были задержаны; чтобы выручить товарищей, остальные напали на мужиковъ съ кольями. Уловка удалась. Пользуясь переполохомъ, плѣнники ушли, и все цыганы довольно благополучно отдѣлались отъ преслѣдованія.

Ближайшіе сосѣди цыганъ, уличивъ ихъ въ воровствѣ, иногда не обращаются на нихъ съ жалобой на судъ, а взыскиваютъ убытки по взаимному соглашенію.

— «На одну ночь цыганы сабаку абравили, на другую ночь іуцу¹⁾ узяли. Пойманы были; заплатили три рубли за іуцу и два рубли за абравленную сабаку».

Медвѣдовцы (Медвѣдовка въ двухъ верстахъ отъ Киселевки), мужики богатые, развитые и страстные охотники, объявили киселевскимъ цыганамъ, чтобы они ночью не разѣзжали около Медвѣдовки:—«нравно съ ружжѣмъ упадемъ».—Цыганы Медвѣдовцевъ совсѣмъ не трогаютъ.

У отдаленныхъ крестьянъ цыганы крадутъ особенно дерзко.

Раза два Киселева горѣла; говорятъ, ее поджигали изъ мести сльнинскіе мужики: ужъ сильно разобидили ихъ киселевскіе цыганы.

У Краснинцевъ, Ельнинцевъ киселевскіе цыганы пользуются заслуженно недоброю славою, и боятся жъ они попасться на судъ, въ коемъ засѣдаютъ могилевскіе или краснинскіе присяжные изъ крестьянъ — «и бывши правъ у нихъ у Сибирь угадашь; аблакатывъ эти присяжные ня дужа-то слухаютъ, а гаварятъ: виновинъ цыганъ, па усимъ статьямъ виновать, пащады яму никакой—во и все тутъ».

Въ народныхъ сказкахъ, легендахъ и пословицахъ цыганы изображаются профессиональными ворами, съ умомъ дорзкимъ и насмѣшливымъ.

Одинъ помѣщикъ (это уже было давно) спросилъ у цыганъ, отчего они исключительно занимаются воровствомъ.

Отвѣтъ такой былъ:

— «А это ужъ такъ издревле ведется отъ отцевъ».

Одинъ цыганъ встрѣтился съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ. Георгій Побѣдоносецъ ѣхалъ на дивномъ конѣ, подкованномъ золотыми и серебряными подковами. И сталъ цыганъ горько жаловаться ему, Георгію Побѣдоносцу, на свою горькую участь.

---

¹⁾ Іуца—овца.

Георгіи отнесся къ жалобѣ цыгана съ большимъ вниманіемъ и передалъ ее Богу.

Богъ внимательно выслушалъ жалобу Георгія Побѣдоносца, потомъ сказалъ:

— Народъ этотъ—воръ, такимъ онъ былъ, такимъ и останется, и не стоитъ за него заступаться. А гдѣ жъ подкова на твоей лошади? Вѣдь ты разжалобившись и не замѣтилъ, какъ цыганъ ее снялъ во время разговора.

Въ одной народной сказкѣ цыганъ сѣетъ съ мужикомъ деньги.

Посѣявъ небольшое количество денегъ, каждое утро они находятъ свой капиталъ съ нѣкоторымъ нарощеніемъ, чему мужикъ душевно радуется.

Разъ посѣяли они большую сумму, и ужъ не нашли ничего.

Мужикъ сталъ печаловаться цыгану, зачѣмъ онъ посовѣтывалъ «сѣять деньги»; цыганъ ему отвѣтилъ: «а никто таму ни винувать, что сегодняшнее утро сухорось была».

Мужикъ кучу вѣить, а цыганъ калѣ кучи ¹⁾ руки грѣить, говоритъ народная пословица.

Правда цыганская!

Цыганы принимаютъ косвенное, но живое участіе въ сельскихъ выборахъ. Прямого участія въ выборахъ они принимать не могутъ, во-первыхъ, потому, что большинство числится мѣщанами; во-вторыхъ, нѣкоторые изъ нихъ крестьяне, судившіеся за воровство, навсегда лишены избирательнаго права.

Въ своихъ интересахъ цыганы являются сильными сторонниками нѣкоторыхъ лицъ, выбираемыхъ въ старшины.

А чтобы лучше подѣйствовать на избирателей крестьянъ, они пускаютъ въ ходъ разнообразныя средства; напр., запугиваютъ воровствомъ робкихъ и неразвитыхъ деревенскихъ обывателей:

— Гамй, вашихъ бараныѹ усихъ пакрадимъ, если ня выберятя такого волостнаго.

Болѣе развитые изъ нихъ отлично понимаютъ, въ чемъ должны состоятъ обязанности судей, волостнаго, имѣютъ правильныя гражданскія свѣдѣнія, но они пользуются своимъ знаніемъ, только въ отрицательную сторону, то подсмѣиваясь надъ мужицкою неразвитостью, то стараясь извлечь изъ нея для себя пользу. Ивка, одинъ изъ самыхъ умныхъ старыхъ киселевскихъ цыганъ, любитъ присутствовать на крестьянскихъ судахъ, а потомъ онъ со смѣхомъ рассказываетъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ, лежа за перегородкой въ волости, «какъ у него, было, пупки порвались отъ смѣху».

Сельскіе даютъ большую потачку односельчанамъ цыганамъ, не желая

---

¹⁾ Калѣ кучи—около кучи.

ссориться съ ними, не желая нажить себѣ опасныхъ враговъ въ одной деревнѣ, и потому то обыски, которые дѣлаются при помощи сельскихъ, часто не достигаютъ своей цѣли: сельскіе, если отъ нихъ зависятъ, укрываютъ и бѣглецовъ и краденныя вещи.

Не всегда и урядникъ держать въ рукахъ цыганъ.

Урядникъ слабохарактерный, по мужицкому выраженію, «несамовитый», ничего съ ними не подѣлаетъ.

Если же урядникъ становится съ цыганами, какъ говорится, на одну ногу, если цыганы замѣтятъ слабость урядника или къ вину или прекрасному полу, то они не преминутъ воспользоваться ею, при случаѣ даже побить урядника, всячески же унижить его.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проживалъ въ Прудковской волости урядникъ, который положительно сдерживалъ воровскія наклонности цыганъ: не давалъ имъ красть и у сосѣдей и въ мѣстностяхъ отдаленныхъ.

У урядника Н... была натура русская, крѣпкая, коренастая, умъ имѣлъ онъ провицательный.

Н... обходился съ цыганами строго, провинившихся въ воровствѣ нещадно билъ погайкою, доводя до лихорадки; при обыскахъ Н... былъ очень хладнокровенъ, остороженъ и имѣлъ постоянно въ рукахъ револьверъ.

Такъ какъ цыганы — народъ очень горячій, положительно не помняцій въ азартѣ, на что рѣшается, лица, ѣздяція къ нимъ въ обыскѣ за своимъ добромъ, во избѣжаніе всевозможныхъ худыхъ послѣдствій, должны быть хорошо вооружены — даже во время крѣпостнаго права цыганы позволяли себѣ причинять насилія сыщикамъ, кто бы они ни были, хотя впоследствии обидчикамъ доставалось за это.

Цыганы крѣпки тѣмъ, что образуютъ воровскую общину: вмѣстѣ крадутъ, вмѣстѣ укрываютъ, по согласію распредѣляютъ между собою похищенное добро; если жъ на нихъ падаетъ вина, они указываютъ, кто долженъ за нее нести отвѣтственность, и виновна ли извѣстная личность или нѣтъ, или въ какой степени она причастна содѣянному преступленію, — все равно, — она подчиняется обществу приговору.

Нѣкоторые изъ цыганъ отличаются сепаратизмомъ; тѣ не любимы и держатся особнякомъ.

Еще крѣпки киселевскіе цыганы своею солидарностью съ ельнинскими и рославльскими цыганами; тѣ и другіе часто рождаются посредствомъ браковъ.

У киселевскихъ цыганъ есть глава, человекъ разумный и опытный, который имѣетъ на нихъ вліяніе.

Ивка, такъ зовется главный цыганскій заправило и вожакъ, опредѣ-